

АННА СОРОКА
СОНЯ МИРОНОВА



МОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ЛЕСНАЯ ДЕЛЯНКА

Соня Миронова

Мой полицейский. Лесная делянка

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Лесная делянка / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Мой служебный УАЗ сбросили в овраг, чтобы вместе со мной сгорели доказательства незаконных рубок. Но участковый Савелий Костров и его овчарка Гром успели раньше огня. Теперь я, инженер лесного хозяйства Зоя Левина, прячусь на таёжном кордоне с мужчиной, который не бросает слов на ветер. За стенами — метель и вооружённые лесорубы. У печи — его руки, горячий чай и близость, от которой страшнее, чем от погони: я уже не хочу уходить. Мой планшет может погубить тех, кто привык покупать закон, а Савелий готов встать между мной и любой пулей. Только я не собираюсь отсиживаться за его спиной. Мы должны спасти лес и друг друга. Но что, если за право быть вместе придётся заплатить слишком дорого?

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Сорока

Мой полицейский. Лесная делянка

Мой полицейский. Лесная делянка

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Октябрьская тьма в Прикамской тайге не наступает постепенно — она обрушивается тяжелым, сырым мешком, стоит солнцу скрыться за зубчатой стеной вековых лиственниц. Лесовозный ус сорок четвертого квартала давно превратился в ледяное месиво из глины, щепы и намерзшей колеи. Мой служебный «Патриот» глухо ревел на пониженной передаче, дворники со скрежетом размазывали по лобовому стеклу мокрую снежную крупу. На соседнем сиденье в противоударном кейсе лежал казенный защищенный планшет. В его памяти горели алыми точками координаты полутора сотен спиленных реликтовых сосен — корабельного мачтового леса, который по документам районного лесонадзора значился как «сухостой и перестойный валежник».

Я везла приговор. Не абстрактным браконьерам, а тем, кто перебивал государственные клейма и гнал эшелоны отборного кругляка через границу района. Сердце колотилось где-то под ключицами: в тайге на тридцать верст вокруг не было связи, а до асфальта тракта оставалось еще добрых сорок километров бездорожья.

На слепом повороте у ручья Каменистый фары внезапно выхватили из мглы не просто стену леса, а серую громаду без огней. Тяжелый трехосный КраЗ возник как призрак — с наваренным на бампер швеллером, с замазанными жирной глиной номерами. Он даже не тормозил. Рев форсированного ярославского дизеля заглушил вой моей печки, и в следующее мгновение мир взорвался чудовищным, сминающим металл ударом.

Капот «Патриота» вздыбился гармошкой. Меня швырнуло вперед, ремень безопасности намертво впился в грудь, вышибая весь воздух из легких, а затем машина юзом, крутясь вокруг своей оси, полетела за бровку дороги — вниз, в заваленный буреломом скальный овраг. Треск сминаемого железа, звон крошащихся стекол, грохот ломаемых кузовом березовых стволов — и наконец глухой, сокрушительный удар о дно ручья. Машина замерла, накренившись на правый борт среди гранитных валунов.

В салоне повисла оглушительная, давящая тишина, пахнувшая гарью и ледяной сыростью. Голова гудела, во рту стоял металлический привкус крови. Я попыталась пошевелиться — острая, ослепительная вспышка боли в правой лодыжке заставила меня прикусить губу до мяса.

— Тихо... только не паникуй, Левина, дыши, — прохрипела я в темноту собственным ошипшим голосом.

Первое, что я сделала — с силой толкнула водительскую дверь плечом. Замок заклинило намертво, стойку кузова повело винтом, превратив проем в сплюснутую ловушку. Я стиснула зубы и ударила локтем в боковое стекло. Каленое стекло брызнуло мелкой крошкой наружу, но выхода не было: вплотную к двери, навалившись всей своей многотонной тяжестью, лежал обледелый ствол вывороченной с корнем сосны. Окно оказалось наглухо запечатано шершавой, мокрой корой.

Снизу, из-под смятого днища, донеслось ядовитое шипение. Запах бензина ударил в ноздри мгновенно — резкий, удушливый, химический. Топливная магистраль лопнула, и горячее хлестало прямо на раскаленный выпускной коллектор заглохшего двигателя. Я дернула правую ногу, пытаясь выбраться на заднее сиденье, но ботинок намертво зажал между сместившимся педальным узлом и согнутым туннелем коробки передач. Металл держал мертвой хваткой.

— Ну же, черт тебя дерь, пусти! — задыхаясь от страха, я выхватила из набедренного кармана тактический стропорез. Лезвие с хищным щелчком распорол промокшую шнуровку горного ботинка. Собрав все силы, преодолевая адскую боль в вывернутом суставе, я выдернула ступню в мокром шерстяном носке из тисков искореженного железа. Ботинок остался зажатым под педалями.

В ту же секунду под капотом что-то сухо щелкнуло — заклинивший пластиковый вентилятор охлаждения закоротил на массу, выдав сноп белых электрических искр. Бензиновые пары сдетонировали с глухим хлопком. Из-под панели приборов выметнулись желто-рыжие языки пламени. Салон мгновенно заполнился едким, удушающим дымом горячей проводки и поролона. Кашель раздирал горло, слезы заливали глаза.

Планшет! Если сгорит прибор — погибнут все доказательства, и моя смерть спишется на обычное ДТП. Я развернулась к пассажирскому отсеку. Тяжелый металлический инструментальный ящик при падении сорвался с креплений и намертво привалил брезентовый кофр на полу за спинкой кресла. Огонь уже лизал козырек приборной панели, жар обжигал лицо. Дотянуться пальцами не хватало каких-то двадцати сантиметров.

Задышавшись, я схватила свободный конец ремня безопасности, сделала скользящую петлю и метнула ее в глубь темного салона, цепляя массивную ручку чехла. Рывок — стальной карабин лязгнул, и заветный кофр — в котором лежал планшет и мой рабочий журнал учета лесного фонда с уже начавшими тлеть от жара уголками переплета — выскользнул из-под ящика прямо мне в руки. Я прижала драгоценную ношу к груди, как живого ребенка.

И тут снаружи, сквозь гул разгорающегося пламени и вой налетающей метели, донеслись тяжелые, быстрые шаги. Кто-то спускался по крутому склону оврага, ломая промороженные ветви бурелома.

«Они вернулись добить», — обожгла ледяная мысль. Я сжалась на полу, прижимая планшет, готовая отбиваться стропорезом до последнего вздоха.

Но вместо выстрела над крышей сплющенного внедорожника раздался низкий, глухой окрик:

— Гром, периметр! Чужих не подпускать!

В разбитый проем окна ударил ослепительно-белый луч мощного тактического фонаря. В свете диодов я увидела мужское лицо — широкие скулы, обветренная, задубевшая на таежном ветру кожа, серые глаза под насупленными темными бровями, жесткая складка у губ. Мужчина был в форменном бушлате с расстегнутым воротом и с потертым милицейским карабином за спиной.

— Живая? — голос прозвучал спокойно, веско, перекрывая треск огня.

— Живая... нога застряла была, дверь заклинило! — выкрикнула я, закашливаясь черным дымом. — Бензобак течет, сейчас рванет!

— Вижу. Не дергайся.

Мужчина вогнал острие стальной монтировки в стык между перекошенной дверью и центральной стойкой. Мышцы под его бушлатом вздулись буграми, металл заскрежетал, но стойка спружинила, сорвав инструмент. Огонь уже перекинулся на обшивку потолка, пластик плавился и падал на сиденья горящими каплями.

Не теряя ни доли секунды на пустые проклятия, незнакомец подхватил с земли толстую березовую валежину, вогнал ее как рычаг в образовавшуюся щель и навалился всем своим мощным корпусом. Раздался оглушительный треск рвущихся болтов — искореженную дверь буквально вырвало с мясом из петель и отбросило в ручей.

Мужчина нырнул в задымленный салон. Его сильные, жесткие ладони обхватили меня под мышки, но заклинивший натяжитель ремня безопасности все еще удерживал поясицу. Огонь подобрался вплотную к баку, жар стал невыносимым. Незнакомец молниеносным движением выхватил из ножен на поясе тяжелый охотничий нож и одним косым взмахом перерубил тугую синтетическую ленту.

Я рухнула вперед, прямо в его раскрытые руки. Луч фонаря на его плече скользнул по моему лицу, по знакам различия лесоустроительной службы на рукаве куртки. Серые глаза мужчины на мгновение расширились от потрясения.

— Зоя?.. Левина? Таксатор из райцентра? — хрипло выдохнул он. Он явно ожидал найти здесь пьяного браконьера или мертвое тело, которое в поселке уже похоронили по слухам лесхоза.

— Да... планшет... спаси планшет! — прошептала я, теряя ориентацию от дыма.

— Держись за шею. Крепко держись!

Он подхватил меня легко, будто я ничего не весила, прижал к своей широкой груди и рванул из горящего остова наружу. Под ногами захлопала ледяная жижа ручья. Склоны оврага были глинистыми, обледенелыми, камни крошились и уходили из-под тяжелых берцов под двойным весом. С каждым шагом мужчина рисковал сорваться обратно в пылающую яму.

Рядом, вздымая комья мокрого снега, метнулась крупная чепрачная тень. Огромная немецкая овчарка с глухим ворчанием вцепилась зубами в толстый брезентовый рукав бушлата хозяина, упираясь когтистыми лапами в мерзлый грунт и создавая дополнительную точку опоры. Этот собачий упор дал мужчине те драгоценные доли секунды, которые решили все.

Мы выкатились на верхний скальный гребень оврага ровно в то мгновение, когда внизу, в глубине промоины, пламя добралось до сухого бурелома и бензобака. Глухой ухающий взрыв сотряс землю. В небо взметнулся столб огня, сучья и горящая обшивка полетели во все стороны.

Савелий — а я уже узнала этот непоколебимый профиль участкового Кострова, о котором в районе ходили легенды — мгновенно повалил меня на снег, накрыв своим телом. Он сорвал с плеч тяжелый, пропахший порохом, морозом и хвоей бушлат, полностью укутав меня с головой. Огненный вихрь с шипением пронесся над нами, осыпая сугробы горящими искрами.

Под тяжелым сукном бушлата было темно, глухо и спасительно жарко. Сквозь треск догорающего внедорожника и вой ветра я прижалась щекой к грубой шерсти его свитера, ощущая мерный, уверенный, спокойный стук его сердца. Широкая ладонь Савелия крепко и бережно прижимала меня к его сильной груди, закрывая собой от летящих углей. В этот миг ко мне вернулось дыхание: самое страшное осталось позади, и пока этот человек держит меня — я буду жить.

Глава 2

Когда пламя на дне оврага начало затухать, шипя под хлопьями мокрого снега, Савелий помог мне подняться. Наступать на правую ногу было невозможно: лодыжка распухла прямо в шерстяном носке, пульсируя тупой, рвущей болью при малейшем касании земли.

— Обопрись на меня, — коротко бросил Костров. Он перекинул мою руку через свое плечо, крепко придерживая за талию. От его куртки пахло морозом, оружейным маслом и терпким таежным ветром. — Машину сожгли специально. Тот КраЗ не случайно порожняком по усу крутился. Лом знал, что ты с проверкой идешь.

— Значит, меня целенаправленно списали, — с горечью выдохнула я, судорожно вцепившись пальцами в ремень брезентового кофра с планшетом. — Все координаты делянок здесь. Если они узнают, что я выжила...

— Не узнают, если до кордона доберемся раньше, чем буран окончательно перевалы перекроет.

Савелий достал из нагрудного кармана навигатор, включил подсветку экрана. Прибор тоскливо пискнул, пытаясь поймать сигнал, но густые, сплетенные шапки вековых лиственниц и сплошная снежная крупа наглухо блокировали спутники. На экране мигала серая надпись: «Поиск спутников 0/12».

— Глухо, как в танке, — Савелий убрал бесполезный прибор и достал старый армейский компас Адрианова, щелкнув крышкой. — Будем выходить по затескам старой гати. Здесь в шестидесятых геологи зимник набивали, до Красного Яра напрямик версты три.

Он повел меня вперед, полушагом-полуволоком, принимая на себя весь мой вес. Гром шел впереди, низко опустив массивную голову и поводя чутким носом. Метель меж тем набирала силу: колючий сухой снег хлестал по щекам, ветер завывал в кронах, как стая голодных волков.

У обомшелого ствола лиственницы Савелий остановился, высветив лучом фонаря свежую зарубку на коре. Но стоило ему коснуться дерева перчаткой, как он глухо выругался. Затеска была не старой — ее кто-то грубо обновил топором совсем недавно и густо залил липкой сосновой смолой. Тропа, уходившая от этого дерева, вела не на сухой гребень, а прямо в чернеющую, незамерзшую даже в октябре торфяную топь ручья. Нас намеренно уводили в заблуждение.

— Ловушка, — жестко констатировал участковый. — Тропу увели в болото.

Я сделала неловкое движение, попытавшись перенести упор на раненую ногу, и мир перед глазами на мгновение померк. Острая боль пронзила голень до самого бедра. Я застонала, оседая в сугроб, пальцы разжались.

Савелий среагировал мгновенно: подхватил меня под спину, не дав упасть в ледяную жижу, и бережно усадил на сухой ствол поваленного кедра — огромный выворотень с вырванными корнями возвышался над болотом, как естественный щит.

— Сиди. Не дергайся, — приказал он. Опустившись на колено прямо в мокрый мох, он расстегнул свой полевой подсумок, достал эластичный бинт и флакон с камфорным спиртом. Его широкие, загрубевшие ладони действовали с поразительной, почти медицинской точностью. Он осторожно ощупал мою распухшую лодыжку. — Похоже на сильное растяжение, но перелом здесь не исключить. Сейчас зафиксирую. Потерпишь?

— Терплю, — выдохнула я сквозь зубы, впиваясь ногтями в край кедровой коры.

Пока Савелий бинтовал ногу, луч его налобного фонаря скользнул под вывернутые корни кедра. В темной нише под сплетением земли и пластов мха блеснула сталь. Я первая заметила этот неестественный блеск:

— Савелий, смотри... под корнями.

Участковый замер, затем аккуратно отогнул заиндеветый пласт хвои. Под кедровым выворотенем тянулся свежий, глубоко вдавленный в глину след тяжелого двадцатидвухмиллиметрового трелевочного троса. Металл оставил четкий ребристый отпечаток: здесь совсем недавно, буквально пару часов назад, волоком протаскивали сырые комлевые бревна гигантского диаметра.

— Браконьерский волок, — нахмурился Савелий. — Они здесь кругляк прямиком к Вишере спускают, в обход лесничества.

В этот момент Гром, крутившийся у кромки болотных кочек, глухо рыкнул. Пес поднял морду против ветра, жадно втягивая ноздрями морозный воздух, сделал полукруг и замер перед завалом из сломанного лапника. Шерсть на загривке овчарки стояла дыбом, но хвост был напряженно опущен — пес нашел что-то искусственное.

Савелий подошел к собаке, осторожно раздвинул заснеженные еловые лапы стволом карабина. Под маскировкой открылся тайный схрон: аккуратно сложенная поленица сухих просмоленных сосновых дров, брезентовый сверток и большая двадцатилитровая канистра с керосином.

— Охотничья заимка на колесах, — пробормотал Костров. — Керосин нам сейчас ой как не помешал бы на кордоне, печь быстрее растопить...

Он потянулся рукой к ручке канистры, но на полпути его пальцы замерли. В узком пучке света фонаря, в двух сантиметрах над землей, дрогнул едва заметный синеватый блик. Тончайшая стальная струна — струна от гитары или поводка — была натянута от днища канистры к ветке сухостоя.

— Назад! — коротко бросил Савелий, жестом приказывая Грому лечь.

Савелий отвел луч фонаря вдоль проволоки. С противоположной стороны завала, за лапником, чернело дуло кустарного самопала.

— Ничего не трогай. Обходим, — сказал он и отступил от канистры.

— Ломовские штучки, — глухо процедил Савелий. — Живыми свидетелей они не оставляют. Никого.

Он подхватил меня на руки, усадив себе на плечо, и начал уводить группу прочь от опасного сектора. Мы успели отойти от заминированного схрона едва ли на сотню метров, как из глубины чащи донесся низкий, прерывистый гул мотора.

Звук нарастал стремительно. По скрытому волоку шел снегоход.

— Воздух! — шепнул Савелий. Мы мгновенно залегли в густой подлесок заснеженного пихтача. Гром без команды прижался брюхом к сугробу между нами, даже не дыша, только черные уши напряженно прядали в темноте.

Сквозь густые лапы пихты я увидела свет одиночной фары. По заваленному валежником волоку, надрывно ревя двухтактным мотором, пробирался тяжелый утилитарный снегоход «Буран». К его прицепным саням-пенам были намертво притянуты цепями три огромных комлевых бревна корабельной сосны.

И тут меня словно током ударило. В свете фары снегохода, когда он притормозил на кочке прямо напротив нашего укрытия, на торцах бревен отчетливо блеснули свежие контрольные метки — ярко-красная несмываемая флуоресцентная краска и мой личный номер таксатора: «№ 44-Л». Это были те самые вековые сосны, которые я пометила под строгую государственную охрану всего три дня назад! Бандиты пилили именно заповедный фонд.

Рука сама потянулась к кофру. Стараясь не издать ни единого звука, я осторожно приоткрыла молнию чехла, активировала планшет и вывела на объектив встроенной камеры ночной поляризационный фильтр. Планшет тихо щелкнул матрицей, приближая кабину снегохода.

Водитель «Бурана» на секунду заглушил мотор, снял брезентовую рукавицу и отер пот со лба, приподняв вязаную шапку. В видеоискателе ночной оптики его лицо прорисовалось с

пугающей, бритвенной четкостью: кривой рваный шрам через левую бровь, глубоко посаженные вороватые глаза, сломанный нос.

— Гришка Косой... — едва слышно выдохнула я одними губами. — Штатный механик нашего районного лесничества!

— Он самый, — так же тихо отозвался Савелий у самого моего уха. Его теплое дыхание коснулось моих замерзших волос. — Правая рука Шестакова. Значит, шестеренки замкнулись.

Я нажала виртуальный спуск. Камера зафиксировала серию высокочетких снимков: лицо Косого, номера снегохода и клейменные заповедные бревна на санях. Теперь у нас была не просто догадка, а юридически неопровержимая доказательная база.

Косой дернул ручной стартер, «Буран» взревел, выплюнув сизый клуб вонючего бензинового чада, и снегоход уполз дальше по волоку в сторону реки Вишеры.

— Надо уходить, пока он не разгрузился и не пошел на второй круг, — Савелий поднялся, снова подхватывая меня на руки.

Метель разбушевалась не на шутку: все видимые следы волока затягивало белой крупой прямо на глазах. Куда ни глянь — сплошная стена ревущего снега и черные стволы великанов. Компас крутило из-за близких залежей железной руды.

— Гром, домой! — тихо скомандовал Савелий псу. — Кордон, мальчик, веди!

Овчарка подняла уши, коротко твякнула и уверенно взяла направление прямо через завалы бурелома, срезая опасный гиблый угол болота. Пес шел по мышечной памяти сотен патрулей, безошибочно выбирая твердые кочки и плотный наст.

Спустя двадцать минут из белесого снежного ада впереди проступили высокие бревенчатые контуры частокола и темная громада смотровой вышки. Гром вывел нас точно к дальнему периметру кордона «Красный Яр», сэкономив нам добрых полтора километра гибельного пути сквозь трясину.

Глава 3

До кордонной поляны оставалось одолеть последний рубеж — крутой, почти отвесный глинистый косогор, заросший корявым осинником. Под ногами намерзла тонкая ледяная корка, припорошенная сухим снегом. С моим весом на плечах Савелий сделал два шага вверх, но тяжелые армейские берцы со скользким скрежетом сорвались, и мы едва не рухнули обратно к подножию.

— Ногу береги! — отрывисто бросил он.

Перехватив меня левой рукой и буквально прижав к своему бедру, правой рукой Савелий сорвал карабин с плеча и стальным затыльником приклада начал ожесточенно врубаться в мерзлую глину, метр за метром выбивая надежные ступени. Металл звенел о скрытые камни, комья мерзлой земли летели вниз. Шаг, удар, опора, еще шаг. Когда мы наконец вывалились на узкий скальный карниз, я перевела дыхание, но тут же замерла в ужасе: прямо над нашими головами под напором ураганного ветра зловеще подрагивал гигантский снеговой козырек.

Сухой треск разорвал вой бурана. Нависшая многотонная шапка снега лопнула поперек всего гребня и с глухим, нарастающим ревом сорвалась вниз. Лавина грозила смести нас обоих в каменную пропасть оврага.

Савелий среагировал за долю секунды. Он не побежал — бежать было некуда. Он втиснул меня в углубление за толстым стволом векового кедра, обхватил дерево обеими руками и накрыл меня спиной.

Белый ледяной шквал ударил сокрушительной волной. Снег забивал рот, слепил глаза, миллионы колючих игл секли лицо, но Савелий стоял как гранитный утес, не дрогнув ни единым мускулом. Вся лавина с грохотом ухнула мимо нас в пустоту оврага, а очистившийся скальный гребень открыл чистый, безопасный проход к кордону.

— Жива? — выдохнул он сквозь заиндевший воротник.

— С тобой... кажется, да, — прошептала я, дрожа всем телом от пережитого шока.

Мы шагнули на тропу, но тайга не собиралась отпускать добычу. Из темноты придорожного ельника с утробным, захлебывающимся рычанием метнулась серая косматая туша. Натасканный браконьерский сторожевой волкодав — помесь кавказца с матерым волком — шел без лая, прямо в прыжке целясь мне в горло.

В то же мгновение черно-рыжая молния рассекла метель. Гром перехватил зверя прямо в воздухе. Раздался глухой стук сшибшихся собачьих тел, яростный визг и хруст снега. Наша овчарка оказалась быстрее: сбив чужака в сугроб, Гром мощным, сокрушительным захватом челюстей зажал загривок волкодава и рывком швырнул его с обрыва в колючий подлесок.

Следом из глубины просеки донесся резкий свист дозорного, и сухой, металлический щелчок взводимого курка ружья выдал позицию стрелка за березой.

Савелий даже не стал прицеливаться в человека. Мгновенным движением вскинув карабин, он вогнал пулю на полметра выше березового ствола. Громовой раскат выстрела 7.62 разорвал морозную ночь, сбив с ветвей шапки инея. Эхо еще металось по распадам, когда браконьерский дозорный в панике отчаянно засвистел, отзывая скулящего пса, и с треском ломанулся в глубь темнеющей чащи.

Впереди, сквозь редеющую снежную крупу, показались высокие ворота кордона «Красный Яр». Лунный свет на миг пробился сквозь рваные тучи, осветив припорошенный снег у калитки. Савелий сжал пальцы на моем плече, жестом приказывая замереть. На свежем насте у дровяника темнели глубокие следы тяжелых шипованных сапог.

Кто-то уже был здесь.

Савелий бесшумно подобрался к забору, прикрывая меня корпусом. Следы вели от распахнутого дровяника к глухой стене пятистенка. У запертой двери темнели глубокие задиры на лиственничном косяке: кто-то пытался поддеть ее ломом. Костров достал ключ и зажал его в ладони.

— Идем к крыльцу, быстро! — шепнул Костров.

Мы рванули по открытому двору, но стоило нам ступить на нижнюю ступень крыльца, как из-за угла дровяника грохнул слепящий дуллет охотничьей двустволки. Савелий закрыл меня своей спиной, толкнув в угол веранды. Крупная картечь с визгом срезала деревянные щепы с наличника, осыпав нас сухой березовой пылью.

Костров, укрывшись за простенком веранды, отпер замок и ударил плечом в массивную дверь, распахивая ее внутрь, и втолкнул меня в спасительную тьму сеней. Нападавший, не успев перезарядить двустволку, в отчаянии бросился следом, пытаясь вклиниться сапогом в дверной проем и просунуть стальной ствол.

— Сдохнете оба, твари! — захрипел боевик снаружи, наваливаясь на дверь.

В этот миг Гром с яростным ревом просунул морду в щель и намертво вцепился клыками в рукав ватника нападающего, круша ткань и ломая лучевую кость. Дикий, истощенный вопль разорвал ночную тишину. Пальцы бандита разжались, ружье со звоном выпало на доски крыльца.

Савелий с силой захлопнул тяжелую дверь и всем телом налег на кованый засов, с грохотом вгоняя двухдюймовый дубовый брус в железные проушины. Метель и ночные убийцы остались снаружи.

* * *

Внутри избы пахло сухой смолистой сосной, березовой корой и застарелым пороховым нагаром. Слабый отблеск углей в топке русской печи выхватывал массивные рубленые стены, длинный дубовый стол и лавки. Савелий опустил меня на широкую скамью у печи, но отдышаться нам не дали.

Снаружи, прямо в стекло бокового окна, с чудовищной силой прилетел торец тяжелого березового полена. Звон разбитого двойного остекления полоснул по нервам, но внутрь бревно не прошло — стальная кованая решетка лесного ведомства, намертво вмурованная в бревна сруба, приняла удар со звоном корабельной брони.

— Суки, решетки стоят! — донесся с улицы хриплый мат. — Лей бензин, пали избу к чертям!

В разбитый проем окна сквозь прутья полетела горящая тряпка, обмотанная вокруг горлышка пивной бутылки. Окровавленный подоконник и занавеска вспыхнули желтым дымным пламенем.

Боль в ноге обожгла до тошноты, но сидеть на месте означало сгореть заживо. Оперевшись здоровым коленом о доски пола, сцепив зубы до скрежета, я ползком рванулась к ручкомойнику. На полке стоял тяжелый глиняный кувшин с ледяной колодезной водой. Схватив его обеими руками, я опрокинула воду прямо в ревущее пламя.

Шипение пара заглушило вой ветра. Огонь сдох, оставив вонючий черный след. И в тусклом свете тлеющей тряпки прямо за прутьями решетки я увидела блеснувший металл: нападавший пытался просунуть ствол карабина. На казенной части оружия четко выделялся выбитый серийный номер и треугольное клеймо районного лесного надзора. Это было служебное оружие инспекции Шестакова!

В этот момент за моей спиной, прямо под половицами горницы, раздался глухой скрип. Деревянные плахи пола у подпольного вентиляционного люка начали медленно приподниматься. Кто-то из нападавших пролез через продухи фундамента и пытался проникнуть в дом снизу.

Я перехватила стоявший у печи тяжелый чугунный утюг, готовясь обрушить его на голову первого, кто покажется из тьмы. Но ударить не успела.

Из сеней с утробным ревом метнулась черно-рыжая тень. Гром! Овчарка нырнула в открытый люк и загнала незваного гостя в каменный угол картофельного отсека. Снизу донесся истошный визг, звон рассыпавшихся банок с соленьями и панический вопль:

— Сними пса! Сними, командир, он мне горло рвет!

— Гром, ко мне! — крикнул Савелий. Пес выскочил обратно в горницу; в подполье загрохотали торопливые шаги, и налетчик выбрался тем же лазом, через который проник. Савелий захлопнул крышку люка и придавил ее тяжелой лавкой.

Следом Савелий взлетел по крутой приставной лестнице на чердак пятистенка. Слуховое окно чердачного фронтона было затянуто толстым слоем инея и заколочено фанерой от метели. Костров одним мощным ударом стального ствола «Вепря» вышиб фанерный лист наружу.

Прильнув к оптическому прицелу, он за доли секунды оценил обстановку во дворе: сквозь снежную крупу двое боевиков Лома с двадцатилитровой жестяной канистрой пробирались к сухому бревенчатому сараю, намереваясь устроить пожар и выкурить нас на открытое пространство.

Один из налетчиков чиркнул охотничьей спичкой, раздувая смоляной факел. Савелий плавно выдохнул, взял упреждение на полкорпуса и нажал на спуск.

Сухой винтовочный щелчок почти потонул в шуме бурана, но пуля с ювелирной точностью срезала горящую головку факела, выбив ее в глубокий сугроб. Обожженный бандит с диким воем повалился на спину, зажимая кисть, а второй в панике вскинул обрез и открыл беглую, неприцельную пальбу по чердачным доскам, осыпая крышу щепой.

Не давая бандитам опомниться, Савелий скатился по лестнице вниз, распахнул дверь на веранду и шагнул на крыльцо кордона. В оптике ночного прицела последний уцелевший стрелок бросился к оставленному у ворот снегоходу, отчаянно дергая шнур стартера.

Костров не стал стрелять на поражение. Один прицельный, хладнокровный выстрел — и пуля калибра 7.62 разнесла вдребезги ведомую звездочку гусеницы «Бурана». Снегоход с жалобным железным скрежетом завалился на бок, зарывшись лыжами в сугроб.

— Бросай оружие, сука, на землю! — громовой голос Савелия перекрыл свист бурана.

Оставшиеся боевики не выдержали. В ужасе перед невидимым, бьющим без промаха стрелком они побросали канистру, ружья и, спотыкаясь в глубоком снегу, в панике бросились бежать в темнеющую чащу леса.

На дворе воцарилась звенящая, холодная тишина. Мороз стремительно падал — к ночи стрелка термометра на наличнике подобралась к минусу восемнадцати.

Савелий быстро обошел двор, подбирая брошенные улики: карабин «Сайга» со спиленным прикладом и россыпь стреляных гильз у крыльца. На донце одной из них при свете фонаря блеснула уникальная кустарная насечка в виде креста — личная метка бригадира Лома. Улика против главаря банды была в наших руках.

Занеся трофейное оружие в сени, Савелий наглухо закрыл тяжелую дубовую дверь.

В избе было тихо, лишь трещали в печи березовые поленья, разгоняя по углам тяжелый, сладковатый жар. Костров опустил карабин на предохранитель, аккуратно повесил оружие на кованые крючья у порога и подошел ко мне.

Я сидела на лавке, бледная, дрожащая от пережитого напряжения, до боли в пальцах сжимая свой защищенный планшет. Силы окончательно оставили меня: тело бил крупный озноб, раненая лодыжка гудела, перед глазами плавали темные круги.

Савелий опустился передо мной на одно колено. Его лицо, еще минуту назад казавшееся высеченным из гранита, вдруг смягчилось. Он снял жесткие кожаные перчатки и осторожно, с поразительной теплотой накрыл мои ледяные ладони своими широкими, горячими пальцами.

— Всё кончилось, Зоя, — произнес он тихо. Его низкий, бархатный, уверенный голос проник под кожу, согревая изнутри лучше любого огня. — Ты в моем доме. Пока я жив — до тебя пальцем никто не дотронется.

Глава 4

Слова Савелия повисли в полумраке горницы, оседая в воздухе чем-то тяжелым, нерушимым и теплым. «Пока я жив — до тебя пальцем никто не дотронется». После ледяного ада ночной гати, после хриплого рева снегоходов и выстрелов на крыльце, эти слова прозвучали не просто обещанием — они ощущались настоящей охранной грамотой, запечатанной в вековом таежном камне.

Но тело, переставшее отчаянно бороться за выживание, мгновенно сдало позиции. Накаатило запоздалое оцепенение. Меня колотило мелкой, неукротимой дрожью; влажная от растаявшего снега куртка липла к спине, а правая лодыжка пульсировала тупой, раздражающей болью. Казалось, кожа на голеностопе натянулась до предела и вот-вот лопнет под намертво сдавившим отек толстым шерстяным носком.

Савелий поднялся с колена, не спуская с меня внимательного, оценивающего взгляда. Первым делом он шагнул к разбитому в бою боковому окну, сквозь прутья кованой решетки которого в избу всё еще хлестал морозный сквозняк. Притянув изнутри массивную дубовую ставню, Савелий наглухо вогнал кованый засов и забил снизу березовый клин, намертво запечатав проем от воя метели и ледяной крупы. Затем вернулся к русской печи, где я сидела на широкой скамье, до боли в пальцах сжимая спасенный кофр.

— Сначала снимем мокрое, — его голос звучал ровно, по-деловому, но в этой собранности сквозила чуткая, оберегающая осторожность. — Шерсть промокла насквозь и леденеет. Сама не снимешь, сустав раздуло.

Он снял с меня свой отсыревший бушлат, подложив под спину свернутый сухой ватник прямо на скамье. Сам опустился на корточки, положив мою вытянутую ногу себе на колено. Стоило его широким ладоням лишь слегка коснуться распухшего голеностопа, как у меня вырвался невольный судорожный вдох — острая, простреливающая искра прошла ногу от пальцев до самого бедра.

— Потерпи, Зоя. Стягивать через сустав нельзя, волокна врезались в отек, пережмет сосуды, — проговорил он тихо.

Савелий сначала осторожно разматал намокший бинт, наложенный в лесу. Затем достал из поясного чехла медицинский скальпель с матовым стальным лезвием. Одно точное, ювелирное движение крепких пальцев — и лезвие без единого лишнего нажима вспорол плотную шерстяную ткань от голени до самого мыска. Савелий осторожно, миллиметр за миллиметром, развел края и снял промокший носок, освобождая измученную ногу.

Я зажмурилась. Лодыжка представляла собой пугающее зрелище: сустав заплыл сизым, багрово-фиолетовым отеком, связки вздулись тугим валиком. Любое движение отдавало раскаленной иглой.

— Сильный отек, — сказал Костров, подушечками пальцев едва касаясь горячей, воспаленной кожи. — До осмотра врачом наступать нельзя. Как откроют дорогу, первым делом покажем ногу.

Не давая мне возразить или попытаться опереться на пол, он легко, как пушинку, подхватил меня под спину и колени. У меня перехватило дух: в его движениях чувствовалась уверенная, монолитная физическая мощь. Я инстинктивно уцепилась пальцами за ворот его грубого свитера, вдохнув запах — мороз, смолистая кора, оружейная смазка и чистое мужское тепло.

Он перенес меня на широкий деревянный топчан, стоявший вплотную к кирпичной кладке русской печи.

В избе еще держался стылый воздух, врывавшийся во время перестрелки сквозь разбитое окно, хотя в топке уже плясали первые желтые язычки пламени. Старая кирпичная кладка пока оставалась прохладной на ощупь. Савелий подошел к поддувалу, опустился на колено

и достал из настенного ящика длинную латунную трубку. С мерным, глухим присвистом он начал подавать струю воздуха прямо в сердцевину углей. Огонь с гулом ожил, взметнулся к закопченному своду, затрещали березовые поленья, выплескивая наружу первую волну живого сухого жара.

Затем Костров снял с печной полки пузатый медный самовар с трубой. Выйдя в сени, он вернулся с холщовым мешком, доверху набитым сухими смолистыми еловыми шишками. Засыпав их в топочную трубу самовара, он бросил внутрь тлеющую березовую щепку. Шишки занялись с сухим шелканьем. Через несколько минут по избе поплыл неописуемый аромат: густой, смолистый, целебный дух таежного бора, мгновенно вытеснивший горьковатую гарь пороха и сырость метели.

— Сейчас закипит, — Савелий поставил передо мной глиняную кружку, бросив на дно горсть сушеных брусничных ягод, соцветия чабреца и зверобоя. — Сначала согреешься изнутри. Кровь разгоним.

Пока самовар шумел, набирая силу, Костров накинул на плечи бушлат:

— Наберу снега для первичного холода, надо сбить жар в суставе. Гром, караул.

Немецкая овчарка, до этого лежавшая у порога и зализывавшая разбитую в схватке подушечку лапы, мгновенно подняла уши и легла у моего топчана, положив массивную лобастую голову прямо мне на стоптанный войлочный тапок. Я несмело опустила ладонь на ее жесткий загривок. Пес шумно вздохнул, признавая меня частью своей стаи.

Дверь на крыльцо хлопнула. Сквозь заиндевевшее двойное стекло я видела, как в темноте двора яростно кружит метель. Ветер с воем бросал в стены кордона охапки сухого наста. У колодца мелькнул луч фонаря Савелия. Он шел уверенно, сканируя взглядом следы у забора. Я боялась, что бандиты вернутся или волки подтянутся на запах крови, но у сруба колодца Савелий вдруг замер, опустив фонарь к земле.

В свете луча на свежавыпавшем снегу четко отпечатались цепочка крупных собачьих лап поверх старой лыжни. Гром еще до того, как мы вошли в избу, сам обошел и зачистил весь периметр двора, проверив каждый угол дровяника и бани. За оградой не появилось свежих следов: налетчики ушли, а новых гостей пока не было. Защита кордона держалась надежно.

Савелий вернулся в горницу, неся в эмалированной миске плотный, зернистый морозный снег. Завернув его в чистое вафельное полотенце, он приложил холодный компресс к моей пульсирующей лодыжке. Боль отступила под немеющим ледяным панцирем, пульсация в висках начала стихать.

— В аптечке шин Крамера нет, — сказал он, осматривая содержимое вскрытого металлического ящика с красным крестом. — Заводские планки сюда не завозили лет пять. Но сустав нужно обездвижить, иначе к утру отек перейдет на голень.

Он достал из-под верстака две ровные, гладко оструганные липовые дощечки. Ловким движением охотничьего ножа срезал фаски по краям, чтобы древесина не врезалась в кожу, проложил их слоем ваты и наложил вдоль поврежденной ноги с двух сторон. Затем достал широкий эластичный бинт и начал аккуратно, виток за витком, накладывать фиксирующую восьмиобразную повязку.

Его пальцы действовали с удивительной чуткостью: плавными, выверенными движениями он вел бинт вокруг щиколотки, точно дозируя натяжение.

— Не туго? — спросил он, поднимая на меня глаза.

— Нет... Очень хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как расслабляются зажатые судорогой мышцы. Нога оказалась закована в легкий, удобный липовый лубок.

Но на этом Савелий не остановился. Достав из навесного шкафчика глиняный горшочек, запечатанный воском, он сорвал печать. В нос ударил густой, маслянистый запах травяной настойки и животного жира.

— Барсучий жир. Старый Михей еще прошлой осенью топил. Лучшее средство от застойных гематом и мышечных спазмов. Надо растереть стопу и пальцы, пока не пошло онемение.

Я невольно сжалась, краска стыда бросилась мне в лицо. Всю сознательную жизнь я привыкла быть самостоятельной, собранной, жестким инженером в мужском коллективе лесхоза, не позволявшей никому переступить границы. А здесь, в полумраке таежной избы, передо мной сидел чужой, огромный мужчина и собирался растирать мне обнаженные ноги.

— Савелий, я... я сама могу, — смущенно пробормотала я, пытаюсь дотянуться до пальцев ноги.

Он мягко, но непреклонно перехватил мою руку, отвел ее в сторону и посмотрел прямо мне в глаза. В его темном, глубоком взгляде светилась строгая, профессиональная, почти хирургическая собранность и чистое мужское благородство.

— Лежи, Зоя. Ты замерзла до синевы. Руки трясутся. Дай я сделаю.

Он зачерпнул пальцами щедрую порцию прозрачно-янтарного жира, растер его между своими широкими, огрубевшими ладонями, пока тот не стал горячим, и обхватил мою озябшую стопу.

Тепло его рук было ошеломляющим. Стыд испарился в первую же секунду, сменившись невольной дрожью сладкого, накатывающего облегчения. Его сильные пальцы мягко разминали негнувшиеся пальцы, свод стопы, пятку, втирая живительный состав глубоко под кожу. Каждое круговое движение разгоняло застывшую кровь, наполняя ногу пульсирующим, целебным жаром. Я закрыла глаза, не в силах сдержать тихий стон облегчения.

— Вот так. Жар пошел, — прошептал он чуть хриловато. В его голосе что-то неумовимо дрогнуло, но руки оставались уверенными и бережными.

Закончив растирание, он тщательно вытер руки холщовым полотенцем и пододвинул топчан вплотную к нагревающейся печной стенке. Постель была устлана пышными овечьими овчинами. При попытке перевернуться на бок у меня резко закружилась голова — сказались бессонные сутки, стресс и сотрясение от тарана лесовоза. Я покачнулась, теряя опору.

Савелий среагировал мгновенно: подхватил меня за плечи, осторожно прижал к груди и уложил на мягкие, пахнущие чистой шерстью овчины. Накинул сверху тяжелое стеганое одеяло и свой старый милицкий тулуп на овчине.

В избе звенела тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием собаки и треском горячей смолки в самоваре. Он налил в кружку кипящий темно-рубиновый настой брусничника с чабрецом, протянул мне:

— Пей мелкими глотками. До дна.

Чай обжигал губы терпкой кислинкой и медовым духом. С каждым глотком изнутри расходилась спасительная истома. Веки становились свинцовыми.

Савелий придвинул к топчану тяжелый деревянный табурет. Положил поперек колен расчехленный «Вепрь», прислонился спиной к теплому боку русской печи. Гром устроился у его сапог, положив морду на лапы и чутко поводя ушами на каждый вой ветра за бревенчатыми стенами.

— Спи, лесной инженер, — тихо сказал Савелий. — Я на часах. До утра никто сюда не сунется.

Сквозь наплывающий туман сна я бессознательно шевельнула рукой, уронив пальцы с края топчана. Моя ладонь легла прямо поверх его широкой, мозолистой кисти, покоившейся на прикладе карабина. Я хотела отдернуть руку, но сил уже не было. Савелий не пошевелился. Он лишь слегка повернул ладонь, бережно накрыв мои пальцы своими теплыми, шершавыми пальцами, надежно удерживая мою руку в своем замке.

И в этом простом, молчаливом жесте было столько несокрушимой защиты, что я впервые за долгие месяцы закрыла глаза без страха перед завтрашним днем.

Глава 5

Утренний свет пробился сквозь заснеженные окна кордона тусклой полосой. Метель снаружи не утихала: ветер продолжал с глухим гулом швырять в бревна снежные заряды, но в избе стояло ровное, сухое благодатное тепло. Печь протопилась на славу.

Я открыла глаза. Лодыжка ныла значительно тише, острая пульсация ушла, но при попытке пошевелиться ребра с левой стороны отозвались колющей, резкой болью — следствие удара о дверную стойку УАЗа во время ночного тарана на повороте.

Савелий уже был на ногах. Без бушлата, в одной темно-синей форменной рубаше с закатанными по локоть рукавами, он стоял у широкого верстака под образами и перебирал содержимое старого кованого сундука.

— Проснулась? — он обернулся, заметив мое движение. Лицо его выглядело свежим, словно он не провел бессонную ночь с карабином в руках. — Как ребра? Я слышал, как ты вздыхала во сне.

— Болят при глубоком вдохе, — призналась я, приподнимаясь на локте. — Кажется, сильный ушиб надкостницы.

— Сначала посмотрим. Фабричные мази из районной аптечки перемерзли и расслоились в сених, от них толку ноль, — Савелий достал со дна сундука продолговатый берестяной туесок, перевязанный просмоленной лыковой нитью. Сверху чернильным карандашом стояла дата: «Август, сбор Михея». — Старый егерь знал толк в тайге. Он для лесорубов делал вытяжки от растяжений и переломов.

Он вскрыл туесок. Внутри оказалась спрессованная темно-зеленая пластина из высушенных трав: багульника, сабельника болотного и окопника, залитых воском. Чтобы высвободить целебную силу сбора, пластину требовалось размягчить на водяной бане.

— Но одной травы мало, нужен масляный проводник, — задумчиво проговорил Костров, оглядывая пустые полки. — Подсолнечное масло на кухне рафинированное, мертвое.

Он подошел к ящику у печи, достал пяток крупных кедровых шишек осеннего сбора. Ловкими ударами деревянного молотка расколол скорлупу, высыпал отборные смолистые орехи на чугунную сковороду и поставил на тлеющие угли. Воздух в горнице наполнился сладковатым, ореховым чадом. Савелий пестиком прямо в сковороде раздавил горячие ядрышки, отжимая через марлю густое, темно-янтарное свежее кедровое масло.

Смешав его с распаренным сбором Михея, он подошел к топчану:

— Освободи левый бок. Надо положить компресс, пока масло горячее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.